

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

РОССИЯ И МИР

Редактор

Теодор ШАНИН

Перевод и редактирование

И.Давыдовой, Е.Ковалева, А.Никулина

Москва • «Логос» • 1999

Content

Introduction.....	9	Anatolii Snisarenko	Ethnic Entrepreneurship in a Big City of the Contemporary Russia (A Case Study of Azerbaijanian Community in Sanct-Peterburg)	138
Teodor Shanin		Vladimir Vagin	The Informal Economy and the "Combined Dwelling" of Russian Urbanites	156
Expolary Structures and Informal Economy in Contemporary Russia	11	Valerii Vinogradskii	Environmental and Social Contexts of Russian Peasants' Informal Economy	173
PART 1		Olga Fadeeva	The Interfamily Networks: Mutual Aid in the Russian Villages	183
CONTEMPORARY RUSSIA'S INFORMAL ECONOMY.....	33	Galina Rodionova	Contemporary Rural Enterprises and Rural Communities' Survival Strategies: the Symbiosis of Scale and Functions.....	219
Vadim Radaev		Il'ia Shteinberg	The Russian Miracle: Local and Family Networks of Mutual Aid and their Transformation	227
The Informal Economy and Non-Contractnal Relations in Russian Business. Approaches to the study of the informal economy.....	35	Alexandr Nikulin	Conglomerates and Symbiosis in Russia: Village and City, Family and Enterprise	240
Michael Burawoy		Andrey Iakovlev	"Black Cash" Economy in Russia: Mechanisms, Causes, Consequences	270
Towards Theory of Economic Involution: Exploring Russia's Expolary Economy	61	Alena Ledeneva	Shadow Barter: the Daily Life of Small Business	292
Viktor Voronkov				
Beyond Public Space (a Sociologist's reflection)	84	PART 2	INFORMAL ECONOMY AND EXPOLARY	
Tat'iana Iarygina			STRUCTURES IN MODERN WORLD.....	311
Supplementary Incomes and Informal Economy: Nizhnii Novgorod, 1990-s	94	Bryan Roberts	Informal Economy and Family Strategies	313
Alena Ledeneva		Jonathan Gershuny	Time-use and Informal Economic Activity	343
Blat and Market: the Transformation of <i>Blat</i> in Post-Soviet Society	111	Deniz Kandiyoti	Gender in the Informal Economy: A Discussion of Issues and Trends....	356
Evgenii Kovalev				
The Patron-Client Relations in Russian Economy.....	125			

ВАДИМ РАДАЕВ

- Бизнес для всех. 1997. № 8. Апр.
- Глинкина С. (1997). К вопросу о криминализации российской экономики // Politekonom. 1997. N 1.
- Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993.
- Национальная программа "Российская деловая культура". М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1997.
- Пономаренко А. (1997). Подходы к определению параметров "теневой экономики" // Вопросы статистики. 1997. № 1.
- Радаев В.В. (1993). Российские предприниматели – кто они? (На примере Москвы.) // Вестник статистики. 1993. № 9.
- Радаев В.В. (1994а). Новое российское предпринимательство в оценках экспертов // Мир России. 1994. Т. 3. № 1.
- Радаев В.В. (1994б). О некоторых чертах нормативного поведения новых российских предпринимателей // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.
- Радаев В.В. (1996). Малый бизнес и проблемы деловой этики: Надежды и реальность // Вопросы экономики. 1996. № 7.
- Радаев В.В. (1997а). Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1–2.
- Радаев В.В. (1997б). Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Радаев В.В. (1998). Формирование новых российских рынков: Транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических исследований (при поддержке CIPE), 1998.
- Сансай Б. (1997). Система и механизмы разрешения хозяйственных споров // Предпринимательство в России. 1997. № 3.
- Уильямсон О.И. (1996). Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.
- Alchian A.A., Demsetz H. (1973). The Property Right Paradigm // The Journal of Economic History. 1973. Vol. 33. March.
- Framework for the Measurement of Unrecorded Economic Activities in Transition Economies. Organisation for Economic Co-Operation and Development Report. Paris, 1997.
- Macaulay S. (1992). Non-Contractual Relations in Business: A Preliminary Study // The Sociology of Economic Life / Ed. M.Granovetter, R.Swedberg. Boulder; Oxford: Westview Press, 1992.
- Williamson O.E. (1986). The Economics of Governance: Framework and Implications // Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics / Ed. R.N.Langlois. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Майкл Буравой

К теории экономической инволюции: исследование российской эксплоярной экономики

В 1936 г. Л.Троцкий, никогда не терявший веры в лучшее будущее, написал книгу под названием "Что такое Советский Союз и куда он идет?". Американские переводчики, сделав вольный перевод, изменили название на "Революция, которую предали" (Revolution Betrayed) и тем самым сузили тему и сам анализ Л.Троцкого, направленный на выявление социальной базы сталинизма и перспектив движения вперед к социализму или обратно к капитализму. Сегодня перед нами стоит все тот же вопрос: "Что такое Россия и куда она идет?" Однако мы не должны оставлять без внимания и возможность того, что Россия находится не где-то в пути между социализмом и капитализмом, а движется к некой новой sui generis¹ экономической формации. Так же, как и Л.Троцкий, мы должны отрешиться от шумного бряцания московской риторики и обратить свой взгляд к социальным основам нарождающейся экономики. Необходимо проникнуть за идеологические фасады, чтобы прийти к пониманию действительных процессов, которые сегодня определяют судьбу России.

Экскурс в "эксплоярные экономики", сделанный Т.Шаниным, позволяет выделить два плодотворных пути изучения этой проблемы. Во-первых, Т.Шанин категорически не согласен с тем, что Россия находится в

¹ В своем роде, своеобразный – лат.

подвешенном состоянии между капитализмом и государственным социализмом в качестве некой их "смеси" или "комбинации". Он выдвигает гипотезу, согласно которой Россия находится в стороне от обоих этих концептуальных полюсов. Концепции капитализма и государственного социализма больше не могут считаться приемлемыми инструментами для изучения современных глобальных экономик и российской экономики в частности, даже если когда-то и считались таковыми. Но означает ли это, что происходит становление еще одной, третьей по счету, экономической системы или лишь свидетельствует о недостаточности самого понятия "системы"?

Во-вторых, Т.Шанин предлагает исследовать значение эксплоярных экономик с помощью концепции "неформальной экономики", связанной с "перераспределительной экономикой" К.Полани, "крестьянской семейной экономикой" А.Чаянова и вниманием индустриальной социологии к обычаю и практике. Здесь он увязывает эксплоярную экономику с "локализацией" (процессом расширения неформальных отношений (informalisation) как глобальным явлением, отраженным в модном наборе концепций "сетевое общество", "гибкой специализации", цепочек субподрядчиков, а также и производства, и обмена в домохозяйствах. И, наконец, он предлагает типологию неформальных экономик, которая может оказаться полезной при определении траекторий, по которым движется Россия и другие страны. Но действительно ли это множество экономических форм заменяет собой идею экономической системы?

Я воспользуюсь общей схемой Т.Шанина и вопросами, которые он поднимает, для того чтобы проанализировать данные, полученные в результате исследования российской экономики, которое я проводил в течение последних шести лет. Начали мы его вместе с К.Хэндли в начале 1991 г. с изучения московской фабрики, названной нами "Резина". Фабрика попала в экономический и политический водоворот конца перестройки. В апреле 1991 г. в Республике Коми мы вместе с П.Кротовым провели четырехмесячное исследование местной деревообрабатывающей промышленности. Начали мы его с включенного наблюдения на фабрике, названной нами "Полярная мебель". Ежегодно мы приезжали на фабрику, чтобы наблюдать за теми процессами, которые там происходили и вели к ее "кончине" по мере того, как она получала все новые и новые удары, связанные с переменами на макроуровне, в результате которых местная деревообрабатывающая промышленность втягивалась в мировую экономику. Летом 1992 г. мы работали в Воркуте – городе с 200-тысячным населением, возникшем севере Коми в 30-х годах, в прошлом – один из самых отвратительных центров Гулага. Город существо-

вал за счет богатых залежей каменного угля. Мы приезжали туда ежегодно для того, чтобы изучать, как этот самый советский и вместе с тем самый антисоветский из городов выживал в условиях опустошительного воздействия рыночной экономики, той самой экономики, которую требовали шахтеры во время своих необыкновенно мощных забастовок в 1989 и 1991 гг. В течение шести месяцев в 1993 г. мы пытались понять, почему такими быстрыми темпами начал развиваться банковский сектор, в явном контрасте с угасанием угольной и деревообрабатывающей промышленности.

ТЕОРИЯ ПЕРЕХОДА И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Для Т.Шанина эксплоярные, "неформальные экономики" являются ответом на неадекватность биполярных концепций капитализма и государственного социализма. Тем не менее не совсем ясно, в чем состоит эта неадекватность, поскольку общепринятый концептуальный аппарат может включать и на самом деле включает понятие "неформальной" экономики. Ниже я буду рассматривать четыре модели западных специалистов перехода от государственного социализма к капитализму, в условиях которого неформальная экономика приобретает все больший вес. Лишь после этого можно будет приступить к рассмотрению вопроса, почему преодоление недостатков, присущих этим описаниям, может потребовать иного подхода.

Тоталитарные модели. Первая модель перехода построена на примере Советского Союза как тоталитарной страны, в которой нет "общества", а партийное государство является всем. Когда партийное государство терпит крах, рушится весь строй. Как пишет М.Малиа: "После гибели Советов осталась одна пустота" (Malia M. 1994). Р.Пайпс, другой известный историк, занимающийся проблемами тоталитаризма, настроен более оптимистично по отношению к посткоммунистической России, присущей ей неограниченной государственной власти, враждебности к частной собственности и неуважению к закону. Но как и у М.Малиа, так и у Р.Пайпса проведена четкая граница между настоящим и прошлым. Политолог К.Джовитт (Jowitt K. 1992) говорит об угасании ленинизма, хотя и признает стойкость его культурного наследия. Ни в одном из этих описаний нет места для "общества", как чего-то отличного от государства, для "неформального", как противостоящего формальной партийной диктатуре.

Неолиберальные модели. Если согласно тоталитарным моделям после распада Советского Союза осталась одна лишь груда бульжников, то неолибералы полагают, что новый строй может быть создан de novo¹

¹ Заново – лат.

только из булыжников. Диагностируя проблему прошлого как проблему государственной собственности и экономического планирования, неолбералы, особенно Дж. Сакс (*Sachs J.* 1994) и Э. Асланд (*Aslund A.* 1995) объявили, что шоковая терапия – единственный способ восстановить рыночную экономику за одну ночь. На основе освобождения цен, ужесточения кредитной политики и сжатия денежной массы можно добиться баланса между спросом и предложением, что, в свою очередь, даст толчок к развитию экономики. Это и есть рыночный путь в рыночную экономику. В рамках этой общей схемы неформальное выступает как одна из сил тьмы, таких, как сопротивление "сталинских управляющих" экономической логике, культурное наследие, проявляющееся, например, в чувстве зависимости от государства или во враждебности к частному предпринимательству. Если неформальное и появляется в этих моделях, оно несет на себе обструкционистский советский отпечаток, который должен быть уничтожен. Зарождение нового требует отрицания прошлого.

Эволюционные модели. Как и неолбералы, эволюционные или институциональные экономисты считают, что капитализм – единственный желательный путь развития, но они предлагают разные методы достижения этой цели. Вместо революционного прорыва П. Мюррелл (*Murrell P.* 1991. Р. 59–78; *Murrell P.* 1992b. Р. 79–95; *Murrell P.* 1993. Р. 111–140), К. Познански (*Poznansky K.Z.* 1993. Р. 395–421) и Дж. Штиглиц (*Stiglitz J.* 1994) призывают к постепенным изменениям, к тому, чтобы выращивать семена рыночной экономики, а не разрушать с одержимостью все оставшееся от прошлого. Неформальная экономика, которая вырастает как результат дисфункций в формальной командной экономике, служит почвой для возникающего прото-капитализма. Китай являет собой образец перехода, при котором становление рыночной экономики происходит с согласия и под контролем партийного государства. Эволюционные экономисты стремятся найти компромиссные решения в создании необходимых защитных институтов рыночной экономики, используя прошлые наработки. У них совершенно иной взгляд на преимущества капитализма, и они связывают их скорее с динамической эффективностью, а не с эффективным распределением ресурсов. Достоинствами рынка являются не столько сбалансированность между спросом и предложением, сколько, по словам Й. Шумпетера, "созидательное разрушение". Главным недостатком советского строя была не дефицитная экономика, а неспособность вводить новшества – инновации требуют минимального уровня секретности, долгосрочных перспектив, правового государства. Эволюционный переход от государственного социализма к капитализму основывается на сотрудничестве между неформальной и формальной

экономикой, в котором каждая из сторон постепенно перестраивает другую.

Модели наследия. И, наконец, последняя модель. Если эволюционисты ориентируются на капиталистическое будущее, то теоретики наследия описывают по сути то же самое постепенное изменение, но базирующееся на прошлом. Представителям теорий тоталитаризма они возражают, что падение партийного государства не затронуло "социальную область" или "гражданское общество", или "неформальное", от которого зависел тоталитарный строй в прошлом (*Lewin M.* 1985; *Cohen S.F.* 1985). Они выдвигают идею "неслучайного пути", которая состоит в том, что ключевые события и комплекс отношений прокладывают траекторию в будущее. Когда авторы этой модели пишут о настоящем, они скорее говорят об институциональном наследии, чем об институциональном вакууме. Таким образом, в теориях наследия значительное внимание уделяется вопросу о том, что от старого режима унаследовано, а что нет. Некоторые обращают внимание на устойчивость отношений и моделей поведения. В своих работах, посвященных Восточной Европе, такие авторы, как И. Селены (*Szelenyi I.* 1988), А. Рона-Тас с соавторами (*Róna-Tas A., et al.* 1997) рассматривают преемственность кадров, циркуляцию элит, удалось ли старой номенклатуре сохранить контроль над командными высотами и при новом порядке или нет. Согласно Д. Старку и Л. Брушту (*Stark D., Bruszt L.* 1998), работа которых посвящена Венгрии, ни неолбералы, которые хотели бы уничтожить государственный сектор, ни эволюционисты, которые выступают за поддержку частного капитала, не понимают, что происходит в действительности, а именно того, что произошла мутация социалистической экономики, сдвига от плана к клану. Ни иерархия, ни рынок не могут нам помочь в понимании нового порядка, который представляет собой нечто иное, названное ими "сетью". Можно сказать, что неформальная экономика, выросшая в недрах государственного социализма, разорвала свою защитную оболочку и просуществовала на международную арену.

Четыре модели перехода можно представить в виде таблицы, сгруппировав их: во-первых, в зависимости от того, ориентированы они на полюс исходного государственного социализма или на полюс капиталистического будущего, и, во-вторых, в зависимости от характера предполагаемого перехода (резкий или постепенный, революционный или реформистский).

Если двигаться по ходу часовой стрелки от тоталитарной теории к теории наследия, то неформальная экономика все больше выступает на передний план. В какой степени при этом улучшается наш анализ (или становится ли он более точным и ясным)? Я уже высказывал предполо-

ТАБЛИЦА 1
ТЕОРИИ ПЕРЕХОДА

	ИСХОДНАЯ ТОЧКА (социализм)	ЦЕЛЬ (капитализм)
РЕВОЛЮЦИЯ	ТОТАЛИТАРНЫЙ Угасание	НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ Зарождение
РЕФОРМА	НАСЛЕДИЕ Мутация	ЭВОЛЮЦИЯ Вынашивание

жение, что эти модели могут в большей степени подходить одним странам и в меньшей – другим. Следовательно, их релевантность зависит от конкретных исторических и географических условий. Так, эволюционистам близка модель развития Китая, а сторонникам теории наследия – Венгрии. Польша стала полем битвы между и теми, и другими, с одной стороны, и неолибералами – с другой. Россия – единственная страна, которую сторонники тоталитарной модели перехода приводят в качестве примера. Таким образом, мы вряд ли должны говорить об универсальности разработанных для тех или иных обществ моделей, из чего следует, что неформальность исторически изменчива.

Возможно, следовало бы выяснить, какая из этих моделей лучше всего подходит для какой-либо конкретной страны? Но и здесь возникают определенные трудности, поскольку все эти модели определены так расплывчато, что каждая из них с одинаковым успехом может использоваться для описания любого конкретного перехода. Разумеется, с помощью каждой из этих моделей можно задним числом объяснить нынешний упадок России. Сторонники тоталитарной теории отмечают, что распад тоталитарного строя всегда приводит к всеобщему упадку. Неолибералы считают, что "чем хуже, тем лучше". Чем скорее угаснет старое, тем раньше возникнет новое. Эволюционисты с горечью отмечают, что шоковая терапия уничтожает без разбора все и вся. Теоретики наследия, считая своим домом Россию, говорят, что чем больше меняются вещи, тем больше они остаются прежними, и напоминают о преемственности не только с советским, но и с досоветским периодом. Не очевидно, что выдвинув на передний план неформальную экономику, мы сможем тем самым лучше понять трансформацию России.

ИНВОЛЮЦИЯ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА?

Как бы ни были полезны эти модели для изучения развития других стран, в них не учитывается специфика трансформации российского государства, особенно динамика развития и процесс вырождения, охватываю-

щий все новые сферы. Если говорить более конкретно, то они не позволяют концептуализировать, во-первых, фазы, через которые проходит трансформация, взаимодействие официальной политики и ее реальных последствий, а также развивающиеся отношения между формальным и неформальным; во-вторых, различные траектории (по времени и направлению) трансформации в зависимости от региона и сектора экономики. На основе этих моделей нельзя создать теорию трансформации как *комбинированного и неравномерного процесса*, поскольку им присущи четыре общих недостатка:

во-первых, опираясь либо на прошлое, либо на будущее, их сторонники не уделяют должного внимания *sui generis* динамике самого этого перехода. Вместо того, чтобы вращаться вокруг одного или другого полюса, необходимо соединить прошлое с будущим;

во-вторых, ни революционные, ни реформаторские представления не могут объяснить, почему происходит упадок одних секторов российской экономики (например, промышленности), в то время как другие ее части (например, банковский сектор), демонстрируют такой динамизм, что захватывает дух;

в-третьих, поскольку дебаты в основном сосредоточены на вертикали социальных отношений, отношения между политикой и экономикой остаются слабо концептуализированными. Нам нужны теории государства и его влияния на экономическую сферу, а также конфигурация политики внутри экономической сферы. Поскольку освобождение от коммунизма предполагает двойную трансформацию (к рыночной экономике и к выборной демократии) особенно необходима надежная общая схема для изучения "политической экономики";

в-четвертых, все эти теории основаны на сравнении непрерывно меняющихся конкретных экономик с идеализациями капитализма и государственного социализма. Экономисты, ориентированные на то, что лучезарное будущее – это капитализм, сравнивают реалии российского беспорядка с неоклассическими и институциональными моделями рыночного порядка, в то время как социологи, ориентированные на прошлое, характеризуют социальные и политические сдвиги в зависимости от их соответствия каноническим образцам советского режима. Более подходящим был бы концептуальный аппарат, основанный на самом процессе трансформации, берущий свое начало в сравнительном анализе переходных экономик.

Таким образом, "неформальная экономика" не совершила концептуального чуда. Пусть и эксплоярная, она все-таки имеет дело с классификациями экономик, а не с экономическими процессами. Я предлагаю вовсе отказаться от полярных моделей исходного состояния и места на-

значения, революции и реформы, и вместо этого концептуально представить переход как *инволюцию* – понятие, выражающее идею экономической системы, которая сама себя потребляет. К.Гирц использовал концепцию инволюции для того, чтобы проанализировать последствия колониальной переориентации местных экономик Явы на экспортное производство сахарного тростника. В его понимании инволюция влечет за собой интенсификацию и усложнение производства средств к существованию под давлением прироста населения. Инволюция описывает процесс, слишком хорошо известный в странах третьего мира, а именно, одновременную консервацию и разложение туземной экономики, которая вынуждена поставлять дешевую рабочую силу для ориентированного на внешний рынок капитализма. Если мы изменим глобальный и исторический контексты и заменим мировую экономику, основанную на торговле сырьем, экономической, организованной на финансах, а наследие колониализма заменим наследием государственного социализма – обнаружатся обширные зоны пересечения, которые делают инволюцию подходящей концепцией для обоих случаев. В России, как и на Яве, мировой капитализм порождает местный капитализм, который разрушает и в то же самое время воспроизводит "туземные" экономики.

Распад партийного государства привел к тому, что рухнула распределительная система, а производственный сектор атрофировался. Преемники распределительной системы (торговля, бартер, финансы и мафия) представляют сегодня наиболее динамичный сектор экономики. Сфера обмена вытягивает ресурсы из производящего сектора без реинвестирования в тот же сектор. Доходы торгового, финансового и криминального капиталов инвестируются обратно в распределительный сектор или перекачиваются в мировую экономику. В результате стал сокращаться производящий сектор и усилилась интенсификация семейной экономики. Эта экспансия обмена за счет производства, которую я и называю инволюцией, является прямой противоположностью накопления, при котором обмен способствует развитию производства.

Инволюция является ключом для понимания как развертывающейся сегодня перед нами логики процесса перехода, так и расходящихся траекторий, по которым движутся различные регионы и сектора экономики, т.е. инволюция носит комбинированный и неравномерный характер. Понятие комбинированной инволюции позволяет исследовать взаимодействия политики государства и ее реальных последствий. Это как бы взгляд сверху. Понятие неравномерной инволюции позволяет рассмотреть процесс снизу, а именно увидеть, как различные участники экономических процессов реагируют на динамизм рынка и нерыночного обмена.

КОМБИНИРОВАННАЯ ИНВОЛЮЦИЯ

В своем развитии инволюция проходит ряд фаз, которые определяются, с одной стороны, неолиберальной политикой, а с другой – реальной политикой борьбы между исполнительной властью, центральным банком и законодательной властью. Первая фаза была фазой дезинтеграции (1991 г.), перешедшая затем в фазу либерализации после торжественного объявления о начале реформ (январь 1992 г.). В свою очередь на смену либерализации (начало 1994 г.) пришли стабилизация, контроль за денежной эмиссией и кредитами. Каждой фазе присущи стратегические сдвиги в политике центральной власти, ведущие к непреднамеренным реальным последствиям в экономике.

Дезинтеграция. Паралич партийных структур государства стал ощущаться задолго до августа 1991 г. В области экономики он выражался в передаче власти региональным производственным объединениям (ПО). Не контролируемые больше партией, они использовали свое монопольное положение для того, чтобы "душить" независимое предпринимательство. Кооперативы могли расти только в "трещинах" ПО и под их контролем. Горизонтальные взаимодействия, когда-то регулируемые партийными структурами, расцвели в форме бартера. Но здесь опять-таки те, кто был более сильным, имел в своем распоряжении дефицитные ресурсы, обогатились за счет тех, у кого этого не было. И, наконец, отношения в цехах, ранее находившихся под контролем партийных органов, стали еще хуже поддаваться управлению. Эти три фактора привели к тому, что прибыль стала извлекаться не через "рациональную организацию формально свободного труда" (М.Вебер), не через увеличение прибавочной стоимости (К.Маркс), а посредством торговли. Потеря партией властных функций привела к активной деятельности торгового капитала и способствовала чрезвычайному увеличению объемов обмена.

Либерализация. Когда 2 января 1992 г. были начаты экономические реформы, партийные структуры государства уже потеряли свою силу. Либерализация цен только укрепила власть производственных объединений, позволяющую им получать прибыль через систему фиксированных цен. Тогда надеялись, что эти выгоды будут недолгими и как только избыток денежной массы будет поглощен инфляцией, конкуренция начнет диктовать свои законы выживания сильнейших. В этом неолиберальном рецепте, политика была экзогенным фактором, и правительство должно было просто осуществлять нужный курс. В действительности государство было внутренне разделено между исполнительной властью, законодательной властью, Центральным банком РФ и многими силами, которые могли

проиграть в результате реформ и были способны использовать преимущества этого разделения. Центральный банк РФ печатал деньги и выдавал кредиты для того, чтобы брать на поруки предприятия, оказавшиеся в трудных ситуациях, не в последнюю очередь – те, которые принадлежали военно-промышленному комплексу. Экономика дефицита быстро превратилась в экономику долгов, в которой рост задолженностей предприятий друг другу все больше выходил из-под контроля.

Российское правительство рискнуло пойти на ваучерную приватизацию, чтобы продвинуть реформы вперед и не дать возможности повернуть вспять. В августе 1992 г., в годовщину провала путча, Б.Ельцин объявил, что каждый гражданин получит ваучер стоимостью 10 тыс. руб., названный им "билетом в свободную экономику", для того чтобы приобрести часть государственной собственности. В результате этой акции 51% собственности предприятия могли перейти в руки работников предприятия практически бесплатно, что на практике приводило к усилению контроля управляющих.

Может быть, приватизация и усилила автономию предприятий, но она не ввела жестких бюджетных ограничений. Монетаризация экономики была выбрана в качестве предпосылки реформы и была ускорена приватизацией банков, которые теперь контролировались основавшими их предприятиями. Независимые банки создавались либо на базе старых спецбанков, либо заново, в качестве карманных банков производственных объединений. В обоих случаях ресурсы выкачивались из производства и попадали в быстро растущий финансовый сектор. Банки неохотно направляли деньги назад в производство, редко поддерживали долгосрочные инвестиции и обычно не предоставляли займов более чем на три месяца. Они с меньшим риском получали гораздо больше прибыли от займов другим банкам или от конвертации своих ресурсов в иностранную валюту.

Предприятия оказались в роли просителей перед банками и особенно региональными отделениями Центрального банка РФ. Ситуация как бы повторилась и имела много общего с тем временем, когда они приходили в обкомы партии, чтобы им выделили сырье и материалы, только сейчас им нужны были деньги. Банки были вынуждены покрывать дешевые государственные кредиты по требованию наиболее пробивных своих клиентов. Те, кто не был столь удачлив, избежал банкротства посредством процедуры списания долгов поставщикам, которые спускали эти долги все ниже и ниже по всей цепочке своих поставщиков. Экономические реформы (либерализация цен и приватизация), может быть, и привели к монетаризации экономики, но при этом скорее рационализировали, чем отменили мягкие бюджетные ограничения, характерные для

социалистической экономики. Если фаза дезинтеграции привела к активизации торгового капитала, то фаза либерализации прищипорила финансовый капитал. В обоих случаях инволюция шла полным ходом: динамизм обмена был достигнут дорогой ценой – ценой спада производства.

Стабилизация. Есть определенная доля иронии в том, что жесткие фискальные ограничения смогли быть введены только тогда, когда фанатики неоллиберализма лишились своих постов и к власти вернулись аппаратчики. Придя к власти в январе 1994 г., правительство В.Черномырдина сумело восстановить дружеские отношения с Центральным банком РФ и с законодательной властью и добиться постепенного сдерживания и впоследствии сокращения кредитной эмиссии, инфляции и бюджетного дефицита. Предприятия оказались в тисках более жестких бюджетных ограничений, поскольку банки не могли больше выручать их, потому что дешевые централизованные кредиты были уже недоступны а поставщики не могли мириться с растущими долгами.

Предприятия обнаружили, что их банковские счета заморожены, так что любые деньги, которые могли на них поступить, должны были быть пущены на оплату или налогов, или коммунальных услуг. Иначе говоря предприятия с "дефицитными счетами", оказавшиеся на так называемой картотеке, потеряли контроль над безналичным обращением, и многие из них вышли из финансового кругооборота и вернулись к платежам наличными или, чаще, к бартеру. Таким способом они обходили банки и избегали уплаты налогов. Управляющие, не способные брать займы у других предприятий, стали брать займы у своих собственных рабочих, не платя им вообще заработную плату или выплачивая ее с перебоями. Они попытались использовать задолженность перед своими рабочими как средство выколачивания займов у банков и правительства.

По мере того, как предприятия выходили из финансовой сферы, оставляя дефицит на своих банковских счетах, банки неизбежно оказывались на грани выживания. Если в 1992 г. банки росли как грибы, то спустя четыре года они начали рассыпаться как картонные домики, результате чего управление финансами страны перешло к крупнейшим московским банкам. Там, где либерализация стимулировала монетаризацию и децентрализацию, стабилизация вела к бартеру и фискально централизации, при этом по-прежнему не было почти никаких признаков возрождения производства.

В самом деле, если какая-либо сфера и выиграла, то это была сфера частной охраны. Когда государство оказалось не в состоянии предложить даже минимальные гарантии выполнения контракта или возвращения займа, расцвела частная охрана как в форме специализированной

фирм, так и в более угрожающем проявлении – мафии. Если "формальное" государство не может больше гарантировать экономические сделки, то это неизбежно приводит к появлению "неформального" государства. Криминализованное государство, созданное снизу, стало *sine qua non*¹ для продолжающегося воспроизводства экономики. Инволюция углублялась по мере того, как к торговому и финансовому капиталам присоединился капитал мафии, увеличивая стоимость транзакций за счет производства.

Цель этого краткого описания основных изменений двойка. Во-первых, я хотел показать насколько важно рассматривать трансформацию как динамический процесс, в котором государственная политика, направляемая идеологией и являющаяся продуктом компромисса ведет к непреднамеренным последствиям. Как только стала проводиться неолиберальная политика, оказалось, что она имеет свою внутреннюю динамику, при условии, что борьба между исполнительной властью, законодательной властью и Центральным банком РФ и определяла в ключевые моменты время и темпы изменений. Нам необходима теория политики, а также теория ее экономических эффектов. Во-вторых, этот краткий экскурс дает ясное представление о том, что как только российское правительство, пусть и нерешительно, начало осуществлять неолиберальную стратегию, это привело к активизации обмена, а не производства, т.е. к инволюции, а не к накоплению. В этом нет ничего исторически нового, поскольку торговый, финансовый и мафиозный капиталы всегда были естественным аккомпанементом экспансии рынка. Только надэкономическая сила, иными словами государство, может воздействовать на рынок, чтобы заставить его осуществлять накопление.

ЭКСКУРС В ЭКСПОЛЯРНОСТЬ: РОССИЯ И КИТАЙ

Если инволюция является диахронным процессом трансформации, то какова тогда синхронная конфигурация российской эксплоярной экономики? Как предполагалось ранее, решение этой задачи требует сравнительного анализа стран, находящихся в стадии перехода от государственного социализма к рынку. Масштабы России делают сравнения ее, например, с Венгрией или Польшей неуместными. Более подходящим и действительно интересным для наших целей было бы сравнение России и Китая. Темпы экономического роста в Китае очень высоки, а для России характерен сильный регресс. Почему в одном случае – инволюция, а в другом – накопление?

¹ От "*conditio sine qua non*" (лат.) – буквально "условие, без которого нет", неизменяемое условие.

ТАБЛИЦА 2
ТЕМПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КИТАЕ И РОССИИ (%)

Страна	Реальный ВВП					
	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.
Китай	4,4	4,1	8,2	13,0	13,4	11,4
Россия	3,0	-2,1	-12,9	-18,5	-12,0	-15,0

Источник: Economist Intelligence Unit, Country Reports за соответствующие годы.

Основываясь на работах Ж.Уи (Oi J.C. В печати.), Э.Уолдера (Walder A. 1994a. P. 53–66), С.Ширк (Shirk S.L. 1993) и других авторов можно утверждать, что успехи, достигнутые в Китае, являются результатом партийного руководства государством, точно так же, как упадок России – продукт его разложения. Управляющие китайского государства сумели осуществить то, что, по мнению российских реформаторов, государство не способно сделать – спустить жесткие бюджетные ограничения от центра к регионам, от регионов к населенным пунктам и от населенных пунктов к предприятиям. Таким образом, нижние уровни по этой схеме являются остаточными претендентами относительно более высоких уровней, поэтому любой излишек над фиксированным количеством, предназначенным для передачи наверх, остается на нижнем уровне. Регионы, местности, города и деревни, так же, как и предприятия имеют реальные возможности осуществлять накопление капитала и инвестировать в производство. Они должны отдавать строго определенное количество, не больше и не меньше. Напротив, российское государство присваивало столько, сколько могло и отдавало только то, что было вынуждено отдавать. Поэтому в России более высокие уровни являлись остаточными претендентами относительно более низких уровней. На каждом уровне (предприятие, город, регион) предпочитали выколачивать сверху ресурсы, а не стимулировать накопление на нижестоящих уровнях. В России мы имеем иерархию, ориентированную вверх, в Китае – ориентированную вниз. Российское государство обеспечивало подчинение с помощью экономических средств, включая мягкие бюджетные ограничения, в то время как китайское государство осуществляло это политическими способами, что давало ему возможность применения жестких бюджетных ограничений.

Это делает эксплоярными как Россию, так и Китай. В Китае реформаторы избрали путь к рыночной экономике под контролем государства. Государство выпестовало рыночные отношения и жесткие бюджетные ограничения, не отказываясь при этом от роли социального хозяина.

Результат – автоцентристское накопление. В России же реформаторы предали государство анафеме и искали рыночный путь к рыночной экономике. Они попытались прыгнуть прямо в капитализм через либерализацию цен, приватизацию и стабилизацию. Оказавшись не в состоянии справиться с последствиями своих реформ, они пришли к порочной комбинации частной собственности и мягких бюджетных ограничений. Результат – инволюция. Но ни в одном из этих случаев отход от государственного социализма не привел к росту капитализма.

В табл. 3 представлены сведения, отражающие эксплоярность России и Китая с точки зрения отношений собственности и бюджетных ограничений, которые являются результатом определенных отношений между государством и экономикой и приводят к различным экономическим процессам – инволюции и накоплению. Короче говоря, вполне возможно, что Китай и Россия являются альтернативными экономическими системами относительно полярных типов капитализма и государственного социализма – две полярные системы со своей собственной динамикой. Эксплоярность становится новой полярностью! Эта третья дорога разветвляется на третий и четвертый пути. И мы должны им дать какие-то названия!

Теперь мы можем ответить на вопрос о месте "неформальной" экономики. Если системы не существуют, мы можем говорить о конфигурации фрагментарных, слабо выраженных "неформальных экономических форм". Если системы действительно существуют, то они порождают свой собственный спонтанный (неформальный) жизненный мир, который компенсирует или смягчает системные иррациональности. Это верно и для капитализма, и для социализма, как для России, так и для Китая. Рассмотрев неравномерную инволюцию российской промышленности, мы можем получить лучшее представление о том, что представляют собой эти спонтанные экономические формы.

НЕРАВНОМЕРНАЯ ИНВОЛЮЦИЯ

Мы рассмотрели инволюцию как непреднамеренные экономические последствия центральной политики, направляемой идеологией, с одной стороны, и компромиссами между ветвями государственной власти – с другой. Сейчас мы должны взглянуть на инволюцию снизу, с точки зрения самих предприятий и их стратегий выживания.

"Резина" – раскол на предприятии. Мое первое исследование в России началось в январе 1991 г. Мы с К.Хендли получили возможность доступа на предприятие, названное нами "Резина", производившего широкий ассортимент резиновых изделий для крупнейших предприятий

ТАБЛИЦА 3
ЧЕТЫРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Отношения собственности	Бюджетные ограничения	
	жесткие	мягкие
частные	"капитализм"	Россия
общественные	Китай	"социализм"

всего Советского Союза. Оно размещалось в превосходном здании в самом центре Москвы. Предприятие ощущало на себе результаты острого кризиса, связанного с перебоями в поставках и с наличием дефицита различных необходимых материалов, который в наибольшей степени проявился зимой 1991 г. Это было время организационных экспериментов, суть которых состояла в том, что руководители на законном основании создавали "кооперативы" и "малые предприятия" для расширения выпуска продукции, которая могла быть продана по договорным ценам для того, чтобы увеличить зарплату избранным рабочим и частным образом присваивать прибыли. В сущности, советское государство позволяло предприятиям становиться "остаточными претендентами", предоставляя им инициативу накопления за пределами плана, а иногда и вместо него.

Это был период разложения партийного государства. Партийная организация на предприятии уже прекратила свое существование и оно стало местом столкновения враждующих фракций. На одной стороне была группа руководителей высшего эшелона во главе с генеральным директором и его главным инженером, на другой стороне был Совет трудового коллектива (СТК), который возглавляли молодые инженеры. Эта борьба была прямым отражением того, что происходило в отношениях между Советским Союзом и Россией. Генеральный директор отстаивал существовавшие долгие годы отношения с министерствами, а СТК предлагал порвать с министерством и воспользоваться российскими законами, позволявшими создавать акционерные компании, которыми бы совместно владели все занятые на предприятии. Старая гвардия управленцев относилась к этой идее к опаской, считая, что это может лишь привести предприятие к катастрофе, в то время как СТК доказывал, что катастрофа уже произошла и это – их единственная надежда. Мы были свидетелями этой эпохальной борьбы между прошлым и будущим, между М.Горбачевым и Б.Ельциным, между плановой и рыночной экономикой.

Деревообрабатывающая промышленность – выход. Как только Советский Союз распался и реформы были приведены в действие, пред-

приятия смогли выбрать более последовательные стратегии, отражающие структуру их сектора экономики и их связи с государством. Если в случае "Резины" альтернативные стратегии "голоса" (оставаться в рамках командной экономики) и выхода (покинуть командную экономику ради переменчивого рынка) раскололи предприятие, впоследствии предприятия объединились вокруг той или иной альтернативы или некоторой их комбинации. Деревообрабатывающая и угольная промышленности Республики Коми приняли диаметрально противоположные стратегии.

Начнем с деревообрабатывающей промышленности, которая структурирована по вертикали, связывающей леспромхозы с промышленными лесопилками, где лес проходит первичную обработку, и откуда он отправляется на деревообрабатывающие фабрики и на гигантский целлюлозно-бумажный комбинат в Сыктывкаре. Вершиной этой цепочки была мебельная фабрика, на которой я работал в 1991 г. При советской власти деревообрабатывающее производственное объединение Коми АССР охватывало всю деревообрабатывающую промышленность, координируя операции и распределяя материалы, ассигнования и рабочую силу по тем предприятиям, которые входили в его состав. В сущности, предприятия, находящиеся в начале этой цепочки субсидировали капиталовложения и высокую заработную плату на предприятиях, эту цепочку замыкавших. Мебельная фабрика больше всего выигрывала от такой системы перераспределения.

Либерализация цен дала возможность леспромхозам объявить о своей автономии и выйти из этой эксплуатирующей цепочки, начав продавать свой лес по самой высокой цене, которую только могли заплатить покупатели. В условиях дефицитной экономики перспектива выхода из вертикальной цепочки казалась очень привлекательной. На самом же деле любой леспромхоз выигрывал лишь до тех пор, пока другие предприятия оставались в составе старой структуры, когда же они все вышли из нее, цепочка распалась. Конкуренция за покупателей возросла до такой степени, что лес можно было продать только в убыток. По мере того, как спрос падал, а стоимость перевозки шла вверх, дефицитная экономика стала экономикой излишков. Производство во всей лесной промышленности сократилось до $\frac{1}{3}$ прежнего объема.

Производственное объединение, штаб-квартира которого помещалась в самом высоком и красивом здании Сыктывкара, ушло в небытие. Одна его часть стала коммерческой, другая перешла в подчинение Министерства путей сообщения РФ. Правительство Республики Коми не выказывало особого интереса к судьбе самого крупного работодателя в республике, и, как сложилось исторически, ее ключевого сектора. В 1995 г. с

большим опозданием правительство попыталось воссоздать разрушившуюся цепочку и используя акции соответствующих предприятий объединить их в шесть региональных компаний. Но этого было недостаточно, да и слишком поздно.

Сумели выжить предприятия, которые продолжали прибыльный экспорт несмотря на увеличение стоимости производства и перевозок. Когда в 1995 г. мировые цены на целлюлозу пошли вверх, на целлюлозно-обрабатывающем комбинате появился прирост прибыли, который был направлен на покупку леспромхозов, но когда цены вновь упали, эти извлеченные, глухие поселки были вновь заброшены. Экспорт продукции деревообработки продолжался, в то время как мебельная фабрика, которая пыталась сохранить свои связи с IKEA¹, в конце концов ушла в небытие. Ее продукция не смогла конкурировать с мебелью, импортируемой из стран Балтики, Восточной Европы и даже Запада, которую теперь можно было купить повсюду.

Угольная промышленность – "голос". История угольной промышленности совсем иная. Во-первых, структура угольной промышленности была представлена 13-ю независимыми шахтами, которые были напрямую связаны с местным угольным производственным объединением – "Воркутауголь". Производственное объединение перераспределяло ресурсы, но, главным образом, от более к менее богатым шахтам. Разумеется, более богатые шахты возмущались субсидированием более бедных, и все вместе негодовали по поводу тех субсидий, которые "Воркутауголь" выделял на поддержание социальной инфраструктуры – молочных ферм, школы и детских садов и для улучшения санитарных условий. Тем не менее только самая богатая шахта ("Воргашорская") смогла выйти из производственного объединения и напрямую установить контакты с правительством России.

В данном случае центробежные силы оказались слабыми, а центростремительные силы были достаточно сильными, поскольку у шахты был общий интерес, связанный с созданием единого фронта против Российского правительства, цель которого сводилась к выколачиванию субсидий и низкопроцентных займов. Шахты не были заинтересованы в приватизации и использовали свой статус государственных предприятий как основу для притязаний на правительственную щедрость. Действительно, производственное объединение манипулировало шахтерскими забастовками для того, чтобы упрочить свои позиции в переговорах с правительством. Как старые, так и новые профсоюзы были в сговоре с

¹ IKEA – шведский межнациональный мебельный конгломерат.

производственным объединением, даже когда пытались представлять интересы своих членов перед руководителями. Межклассовое сотрудничество становилось сильнее по мере того, как экономическая ситуация ухудшалась и влияние "Воркутаугля" в Москве уменьшалось.

После введения контрольных цифр, установленных Всемирным банком и более или менее одобренных "Росуглем", всероссийским консорциумом, ответственным за угольную промышленность в целом, Воркута начала закрывать свои шахты следуя довольно рациональному принципу: самые бедные уходят первыми. Сокращение производства шло гораздо медленнее в угольной отрасли, выпуск которой с 1991 г. упал только на 25%, по сравнению с лесной, в которой производство сырья сократилось за тот же период на $2/3$.

Швейная промышленность – смешанная стратегия. Три наших примера обнаруживают три уровня политики: предприятие, сектор экономики и государство. На "Резине" внутренняя политическая борьба оказалась критически важной в выработке экономической стратегии; в деревообрабатывающей промышленности интересы определялись положением в иерархической цепочке взаимозависимых предприятий; в угольной промышленности стратегическим центром политики было отношение промышленности к государству. Выбор стратегий "голоса" и выхода разделили "Резину" на враждующие фракции, выход был доминирующей стратегией в деревообрабатывающей промышленности, где подчиненные предприятия видели свой интерес в том, чтобы выйти из эксплуатирующей иерархии. В угольной промышленности шахты были автономными по отношению друг к другу, но зависели от производственного объединения в получении государственных ресурсов. Здесь они применили скорее стратегию "голоса", а не выхода. Опираясь на солидарность рабочего класса, производственное объединение использовало рычаги старой договорной системы для того, чтобы побольше вытянуть из государства.

Следовательно, стратегии "голоса" и выхода являются продуктом внутренних экономических отношений в самом секторе экономики и отношения всего сектора к государству. Угольная и деревообрабатывающая промышленности представляют собой в этом отношении крайние случаи, в то время как для большинства предприятий характерна смешанная стратегия, следуя которой они пытаются опираться на правительственные субсидии, займы и финансовое поручительство, используя их как стартовую площадку предпринимательской деятельности. Так, местная швейная фабрика в Сыктывкаре, висевшая буквально на волоске и удерживаемая на плаву лишь за счет правительственного контракта на пошив военной формы, образовала совместное предприятие с

немецкой компанией для производства и экспорта лифчиков. Оно едва держалось на плаву, глубоко увязнув в долгах государству и по полгода не выплачивая заработную плату. Подобно множеству других предприятий, работающих на потребительский рынок, оно оказалось зажатым в тиски между падением платежеспособного спроса и дешевым импортом.

По мере того, как в экономике продолжалась инволюция, а займы и субсидии становились все более скудными, "голоса" становились все слабее. Выход стал уже не стратегией, а реальностью *de facto*. Предприятиям попросту пришлось самим заботиться о себе, хотя они могли делать это, формируя новые альянсы и сети. Разумеется, угольные шахты держались друг за друга, в то время как деревообрабатывающие предприятия медленно продвигались к новым формам ассоциации, спонсируемые сверху или направляемые теньвыми спекуляциями снизу. Отречение или неэффективность государства создает пространство для частных, специализирующихся на охране экономических трансакций, фирм и для перестройки экономических цепочек. Спонтанная организация новых экономических форм за пределами и государства, и рынка означает, что эксплоярная экономика России становится все в большей степени зависимой от неформальности.

Банковское дело. До сих пор мы основное внимание уделяли разрушительной стороне инволюции, а не ее ведущей силе, сфере обмена, особенно торговле и финансам. На протяжении второй половины 1993 г., мы с П. Кротовым исследовали банковскую систему Республики Коми. Вопреки жалобам бизнесменов, правительственных и международных агентств, мы были изумлены той скоростью, с которой банки превратились из регистраторов трансакций в их регуляторов. Динамичное расширение банковского сектора требовало самого пристального внимания. Совершенно ясно, что это – один из наиболее прибыльных стоков для ресурсов, утекавших из промышленности.

Новая банковская система своим появлением обязана противостоянию России и Советского Союза. Российский парламент издал ряд законов, в соответствии с которыми банки становились независимыми. Облаченная в риторику свободного рынка, это была прежде всего политическая стратегия, направленная на лишение советского правительства его наиболее важных рычагов экономической власти. Возникло два типа банков: с одной стороны, банки, организованные на базе старых государственных банков (Спецбанков), с другой – новые банки, обычно создаваемые промышленными объединениями, их часто называют карманными банками. Ресурсы стали перекачиваться от предприятий к банкам, между которыми они могли циркулировать с большими процентными

ставками. Впоследствии, с наступлением стабилизации, банки смогли вывозить деньги из страны. Банки не вкладывали свои ресурсы в промышленность. Те займы, которые они предлагали, обычно должны были помочь предприятиям преодолеть трудный период и компенсировать сокращение оборотного капитала. Эти займы никогда не выдавались более чем на три месяца.

Когда в 1993 г. мы проводили наше исследование, коммерческие банки должны были гарантировать займы, которые их клиенты получали от Центрального банка РФ или различных министерств. Соответственно, часть банковской системы кристаллизовалась вокруг больших банков, по сути карманных банков государства, которые охотно принимали займы от имени своих клиентов. Самый большой из таких банков в Республики Коми, основанный на базе богатого Промстройбанка, позже будет буквально сотрясаться от скандалов перед тем, как стать банкротом в 1995 г. На другом полюсе были банки, которые хотели как можно меньше иметь дело с государственным займами, особенно когда те раздавались клиентам с сомнительной фискальной отчетностью. Между ними находилось большинство банков, которые были вынуждены принимать государственные займы, выданные их наиболее ценным клиентам. Когда началась стабилизация, многие предприятия не смогли выполнить свои обязательства по возврату займов и потащили свои банки за собой. Период расцвета банковского дела внезапно подошел к концу. Выжили крупные московские банки и их филиалы, банки, связанные с мощными промышленными концернами, такими, как нефтяные и газовые компании Республики Коми, а также те банки, которые вообще избегали клиентов из промышленности, зарабатывая деньги на спекуляциях.

Расцвет финансово-промышленных групп, базирующихся на секторах консорциумов банков и крупных промышленных объединений, тесно связанных с государственным и международным капиталами, похоже, был последней фазой российской экономической инволюции. Сейчас ресурсы циркулируют внутри и между этими российскими магнатами, в то время как остальная часть страны насильно оттеснена к более примитивным неформальным способам производства.

ВНУТРЕННЯЯ ИНВОЛЮЦИЯ

Если динамизм российской экономики связан со сферой обмена и достигнут за счет производства как промышленного, так и сельскохозяйственного, если реальная заработная плата продолжает падать (если вообще выплачивается), при том, что цены на основные потребительские товары продолжают быстро расти, то как же тогда выживают люди?

Ответ следует искать в другом аспекте инволюции – внутри семейной экономики, обеспечивающей лишь минимальный прожиточный уровень. Теория А. Чаянова крестьянской семейной экономики может стать сейчас особенно актуальной.

В течение трех последних лет эти вопросы изучались нами на примере семей работников мебельной и швейных фабрик Сыктывкара и Воркуты. Мы думали, что стратегии выживания зависят от типа предприятия, но такой связи обнаружено не было. Действительно, с усилением промышленной инволюции, роль предприятий снижалась, а факторы, относящиеся к семейному потреблению, становились более важными. Доля работоспособных членов в домохозяйстве, распределение обязанностей между его членами, имеющими различные навыки, материальные ресурсы, унаследованные от старого режима (квартира, дача и пр.), расширенные родственные связи – все это, соединяясь вместе, определяет стратегии семьи.

Переходный период не только заставил семьи полагаться на собственные ресурсы, но и создал условия для выработки более рациональных стратегий благодаря монетаризации экономики и высвобождению времени. В дефицитной экономике много сил и времени отдавалось процессам обмена, налаживанию и расширению дружеских и родственных сетей, взяточничеству и вымогательству. Люди должны были тратить время на поиски товаров и услуг, ждать в очередях, накапливать запасы и пр. Для производительной деятельности времени оставалось мало. Монетаризация экономики высвободила большое количество времени для производительной деятельности, так что люди стали проводить больше времени на работе, будь то работа, за которую они получали зарплату или работали по дому (или не работали, а пьянствовали). В одной из наших статей, посвященной работникам мебельной фабрики (занятых в настоящее время или работавших там прежде) мы выделили пять типичных стратегий занятости: 1) новый вид занятости, сочетающийся с зависимостью от родителей; 2) участие в семейном бизнесе; 3) в качестве безработного; 4) продолжение работы в надежде на раннюю пенсию; 5) выход на пенсию в сочетании с работой в нескольких местах. Если судить по Сыктывкару, сегодня происходит интенсификация домашней экономики.

Другими словами, если инволюция на уровне формальной экономики включает перетекание ресурсов из производства в сферу обмена, если обмен становится динамичным сектором, в то время как производство атрофируется, то в домашней экономике мы наблюдаем прямо противоположное, компенсаторное движение: здесь производство играет лидирующую роль, а обмен становится производным от него и вторичным.

В этом отношении Воркуту можно назвать исключением, которое подтверждает правило. По мере того, как угольные шахты закрывались и прекращалось строительство, рабочие либо продолжали числиться на шахтах, либо уходили. Люди массами покидали Воркуту, впрочем нередко сохраняя при этом воркутинскую прописку. Там не так много признаков интенсификации домашней экономики. Вместо этого, все усилия направляются на возобновление родственных связей по всей территории бывшего Советского Союза в надежде подготовить почву для своего собственного "исхода" или переезда своих детей. В сфере домашнего хозяйства на повестке дня стоит в большей степени обмен, чем производство, поскольку шахтеры в основном сохранили свою работу и все еще зарабатывают больше, чем другие категории рабочих. Напротив, в Сыктывкаре, столице Республики Коми, инволюция до сих пор шла быстрее, но в то же самое время создала ряд новых рабочих мест для уволившихся работников.

ИНВОЛЮЦИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Для изучения мировой экономики Бродель разработал трехступенчатую иерархию. Она начинается с материальной жизни, образующей первый, "наземный" уровень, восходит к сфере рынка и торговли и достигает своей вершины в мире капитализма, в отношениях между капиталом и государством. Скорость, с которой материальная жизнь была интегрирована в мировой порядок, представляет собой одну из самых примечательных черт российского переходного периода. Колебания мировых цен на целлюлозу, бумагу, лес имели непосредственное и часто опустошающее воздействие на сельские и городские общности. В то же самое время, предписания Международного валютного фонда и Всемирного банка диктовали скорость, с которой "Воркутауголь" закрывал свои шахты, точно так же, как в первые годы реформ они дали толчок возрождению банковского дела и как сегодня они диктуют жесткую фискальную политику Центральному банку РФ, превращая мириады местных банков в банкротов, с одинаково пагубными последствиями как для преуспевающих, так и для угасающих предприятий. Международный капитал способствует перекачиванию ресурсов из производства в банковский сектор и деньги через финансовые и криминальные круги покидают страну. Одновременно произошедшие распад старой распределительной системы и интеграция в мировой финансовый порядок привели инволюцию к порогу каждого дома.

Aslund A. (1995). *How Russia Became a Market Economy*. Wash. (D.C.): Brookings Institution, 1995.

Cohen S.F. (1985). *Rethinking the Soviet Experience*. N.Y.: Oxford University Press, 1985.

- Eyal G., Szelényi I., Townsley E.* (1998). *Making Capitalism Without Capitalists: Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe*. L.: Verso Books, 1998.
- Jowitt K.* (1992). *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Lewin M.* (1985). *The Making of the Soviet System*. N.Y.: Pantheon Books, 1985.
- Lipton D., Sachs J.* (1992). *Prospects for Russia's Economic Reforms* // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1992. N 2.
- Malia M.* (1994). *The Soviet Tragedy*. N.Y.: Free Press, 1994.
- Murrell P.* (1991). *Can Neoclassical Economics Underpin the Reform of Centrally Planned Economies* // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5. N 4.
- Murrell P.* (1992b). *Evolutionary and Radical Approaches to Economic Reform* // *The Economics of Planning*. 1992. Vol. 25.
- Murrell P.* (1993). *What is Shock Therapy? What did it do in Poland and Russia?* // *Post-Soviet Affairs*. 1993. Vol. 9. N 2.
- Oi J.C.* (1999). *Rural China Takes off: Incentive for Reform*. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Poznanski K.Z.* (1993). *Restructuring of Property Rights in Poland: A study in Evolutionary Politics* // *East European Politics and Societies*. 1993. Vol. 7. N 3.
- Ryna-Tas B., et al.* (1997). *The Great Surprise of the Small Transformation: The Demise of Communism and the Rise of the Private Sector in Hungary*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997.
- Sachs J., Wing Thye Woo.* (1994). *Structural Factors in the Economic Reforms of China, Eastern Europe and the Former Soviet Union* // *Working Papers Series*. Department of Economics; University of California; Davis, 1994. N 1.
- Shirk S.L.* (1993). *The Political Logic of Economic Reform*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Stark O., Bruszt L.* (1998). *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Stiglitz J.* (1994). *Whither Socialism?* Cambridge (Mass.): MIT Press, 1994.
- Szelényi I.* (1988). *Socialist Entrepreneurs*. Madison: University of Wisconsin Press, 1988.
- Walder A.* (1994a). *Corporate Organization and Local Government Property Rights in China* // *Changing Political Economies* / Ed. Vedat Milor. Boulder, Colorado: Lynne Rienner, 1994.